

COVERINGCRSV.ORG

ОСВЕЩЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ЗОНЕ КОНФЛИКТА

Доступно
на следующих
языках: английский,
французский,
испанский, суахили,
арабский,
амхарский

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЕМ И ПОЧЕМУ

- #1. ДОСТАТОЧНО ЛИ Я ГОТОВ(А) К РАБОТЕ НАД ЭТОЙ ТЕМОЙ?**

- #2. НЕОБХОДИМО ЛИ БРАТЬ ИНТЕРВЬЮ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС?**

- #3. ПОНИМАЕТ ЛИ МОЙ ИСТОЧНИК НА ЧТО СОГЛАШАЕТСЯ?**

- #4. ДАЙТЕ ПОСТРАДАВШИМ ВОЗМОЖНОСТЬ ГОВОРИТЬ ТАК, КАК ОНИ ХОТЯТ, И СКОЛЬКО ПОТРЕБУЕТСЯ**

- #5. ПОНИМАНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТРАВМЫ НА ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВОСПРИЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ**

- #6. ПОЗАБОТЬТЕСЬ О СВОЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ**

- #7. ПОМНИТЕ: СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ АСПЕКТОМ ИСТОРИИ**

- #8. ОБРАЗЫ НЕ МЕРКНУТ: БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ С ВИЗУАЛЬНЫМ ВЫБОРОМ**

О проекте

Немногие журналистские задания требуют большей ответственности, чем интервью с людьми, которые подверглись сексуальному насилию в зонах конфликта. Изнасилование как метод подавления во время военных действий оказывает разрушительное воздействие как на самих пострадавших, так и на сообщества, в которых они проживают.

Ответственная журналистика поможет привлечь внимание к ситуации и объяснить обстоятельства таких преступлений, для которых людям трудно подобрать адекватные слова. И, напротив, небрежное освещение может лишь ухудшить положение, подвергнуть пострадавших дополнительному стрессу и опасности.

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛСЯ ПРОЕКТ?

Эти рекомендации стали результатом серии бесед опытных журналистов и кинематографистов, которые регулярно работают с темой сексуального насилия и пыток в странах конфликта.

Все, кто освещает эту тему, руководствуются благими побуждениями. Но рано или поздно мы все задавались вопросом: не навредит ли наша работа людям, о которых мы рассказываем?

Представители медиа часто первыми берут интервью у жертв сексуального насилия в зонах конфликта, но редко получают адекватную профессиональную подготовку или поддержку.

Именно поэтому и существует потребность в этом руководстве. Оно разбито на восемь разделов по ключевым навыкам, которые, по нашему мнению, необходимы любому журналисту или кинематографисту, работающему над проблемой CRSV.

Эти восемь разделов доступны как в формате, удобном для углубленного изучения, так и в краткой версии, позволяющей бегло просмотреть разделы и поделиться с коллегами. Они разработаны для практического применения и действий на местах.

Несмотря на то, что эти материалы были написаны сотрудниками медиа для представителей той же профессии, они являются результатом бесед с более широким кругом респондентов. При создании руководства мы консультировались с людьми, пережившими CRSV (некоторые из них являются правозащитниками и все без исключения — экспертами), специалистами по работе с травмой, социальными работниками и юристами, а также с фотографами, кинематографистами, журналистами и редакторами.

Руководство затрагивает сложные вопросы. Конечно, эти рекомендации не охватывают всех ситуаций, с которыми может столкнуться сотрудник медиа, и, бесспорно, не все согласятся с нашими рекомендациями в полной мере.

Тем не менее, мы старались найти баланс между двумя истинами. Первая заключается в том, что, если акты насилия не будут задокументированы, нет никаких шансов, что они прекратятся. Вторая: когда речь идет о сексуальном насилии, только сами пострадавшие имеют исключительное право поделиться своей историей, она не принадлежит нам.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Мы создали эти рекомендации, чтобы начать дискуссию и повысить осведомленность журналистов.

Эти материалы созданы для того, чтобы делиться с коллегами. Поэтому, пожалуйста, скачивайте их и распространяйте среди всех, кому они могут быть полезны.

Мы приглашаем вас к обратной связи и надеемся на будущий диалог. Если вы хотите узнать больше о работе Dart Centre, пожалуйста, подпишитесь на нашу рассылку [здесь](#).

АВТОРЫ ПРОЕКТА И БЛАГОДАРНОСТИ

Этот ресурс был подготовлен [Dart Centre Europe](#) — сетью и ресурсом для журналистов и кинематографистов, освещающих травму и насилие, — поэтому в первую очередь мы хотим поблагодарить всех, кто участвовал в дискуссиях, проводимых центром на протяжении многих лет. Основную команду организаторов и авторов составили [Gavin Rees](#), [Samira Shackle](#), [Stephen Jukes](#), [Juliana Ruhfus](#), [Leslie Thomas](#) и [Christina Lamb](#).

Также спасибо всем, кто принял участие в наших консультациях.

Этот проект стал возможен благодаря финансированию UK Foreign, Commonwealth and Development Office's Preventing Sexual Violence in Conflict Initiative.

Dart Centre Europe

Номер регистрации благотворительной организации в Англии и Уэльсе: **1172731**

Вы всегда можете связаться с нами. Мы будем рады узнать ваше мнение. covering.crsv@dartcentre.org

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

#1.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

ДОСТАТОЧНО
ЛИ Я ГОТОВ(А)
К РАБОТЕ
НАД ЭТОЙ
ТЕМОЙ?

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#1.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

ДОСТАТОЧНО ЛИ Я ГОТОВ(А) К РАБОТЕ НАД ЭТОЙ ТЕМОЙ?

Общение с представителями СМИ по поводу сексуального насилия в зоне конфликта сопряжено с высоким риском для пострадавших. Эти рекомендации помогут вам лучше понять, что для них может быть поставлено на карту.

Освещение сексуального насилия в зоне конфликта (CRSV) – одно из самых сложных заданий, с которым любому журналисту когда-либо придется столкнуться. Оно требует серьезной подготовки. Прежде чем приступить, убедитесь, что вы разобрались в следующих аспектах:

- Что такое CRSV и как изнасилование и другие формы сексуального насилия влияют на самих людей и сообщества, в которых они проживают.
- Как деликатно проводить интервью с пострадавшими с учетом полученной ими травмы.
- Политика властных структур и более широкая картина безопасности в регионе, гендерная динамика и местные культурные особенности восприятия сексуального насилия.
- Визуализация вашей истории – что выбрать? Будете ли вы фотографировать или снимать людей на видео? Как и где вы будете это делать? Будет ли сохранена их анонимность?
- Ваш собственный уровень психологической готовности и почему это важно.

Мы назвали это руководство «*Освещение сексуального насилия в зоне конфликта*», но в тексте мы используем стандартную аббревиатуру CRSV, которая включает различные формы сексуального насилия, обусловленные военным конфликтом.

Говоря о CRSV, мы, в частности, имеем в виду такие формы насилия, как изнасилование, принуждение к проституции, принудительный брак, насильственная стерилизация и другие преступления, которые могут быть связаны с конфликтом. Эти преступления обычно совершаются для достижения преднамеренных военных или политических целей и, таким образом, подпадают под юридические категории геноцида и военных преступлений, но инциденты могут носить и более ситуативный характер. Сексуальное насилие – гораздо более широкое понятие, чем формулировка «изнасилование на войне». Этот термин также применим к ситуациям нестабильности, когда мятежные группы, военизированные формирования или государственные силы используют сексуальное насилие как инструмент подчинения местного населения и поощрения бойцов вооруженных формирований. С насилием в этом случае мужчины могут столкнуться наравне с женщинами и детьми.

В некоторых публикациях на русском языке журналисты отдают предпочтение использованию термина «сексуализированное насилие», который, по их мнению, точнее определяет это преступление, как выходящее за рамки нормальных сексуальных отношений. В настоящем руководстве мы используем термин «сексуальное насилие» согласно общепринятой юридической терминологии.

Наша роль как журналистов и документалистов

Представители СМИ зачастую первыми берут интервью у пострадавших, причем нередко – с большим риском для себя, привлекая внимание к проблемам, которые требуют широкой общественной реакции. Ни один журналист, занимающийся этой работой, не хочет причинить вред своим источникам, но, тем не менее, такая вероятность всегда существует. Даже исходя из лучших побуждений, журналисты могут допустить в интервью и репортажах ошибки, из-за которых пострадавшие будут чувствовать, что их подвергли унижению и эксплуатации, а их семьи – позору и даже, в некоторых случаях, опосредованному насилию.

В 2018 году был опубликован доклад, в котором авторы обратились к пострадавшим от CRSV с редко задаваемым вопросом: каким был их опыт интервью с представителями медиа? Ответы были протрезвляющими. Восемьдесят пять процентов пострадавших столкнулось с поведением журналистов, противоречившим двум известным практическим руководствам для журналистов по этой тематике. Одно из них было опубликовано Dart Centre, а другое – одной из организаций в системе ООН, занимающейся защитой пострадавших от сексуального насилия^[a]. В докладе, в частности, говорилось о следующих фактах:

Явные нарушения в виде обещаний денег или помощи, раскрытие личности пострадавших без согласия, давление с целью заставить раскрыть подробности опыта изнасилования и сексуального насилия... Женщинам задавали глубоко личные и интимные вопросы о нападениях, или же, например, журналисты заявляли, что могли помочь езидской общине, опубликовав истории женщин.^[b]

Участие в тренингах по работе во враждебной среде – подготовка журналистов к обеспечению собственной безопасности в условиях повышенного риска – сегодня является нормой, но большинству репортеров до сих пор не предлагается соответствующего обучения, и они получают крайне мало рекомендаций по работе с людьми, пережившими травму.

Итак, что должна включать хорошая подготовка?

Перед любой поездкой, особенно в зону повышенного риска, время ограничено, поэтому стоит подумать о подготовке заранее. Подготовка осуществляется в двух основных формах, и обе они имеют решающее значение:

1. Подготовка непосредственно перед конкретным заданием. Сюда входит изучение местной ситуации, оценка рисков и т.д.
2. Заблаговременная подготовка по углублению профессиональных навыков. Она достигается с помощью профессиональных тренингов, стремления понять суть проблем и доверительного обмена опытом и знаниями с коллегами.

Подготовка к выполнению конкретного задания

Скорее всего, вы уже привыкли проводить оценку рисков для обеспечения безопасности себя и своей команды (если нет, смотрите вставку ниже). В то же время, освещая тему CRSV, вы должны учитывать то, как ваш план репортажа может повлиять на физическую и психологическую безопасность источников, с которыми вы будете работать.

[a] Рекомендации, представленные в [данном руководстве Dart Centre](#) и впервые опубликованные в 2011 году, а также серия рекомендаций, разработанных коалицией неправительственных организаций международной сети Global Protection Cluster [по теме освещения гендерного насилия в контексте гуманитарных кризисных ситуаций](#).

[b] Johanna E. Foster and Sherizaan Minwalla, 'Voices of Yazidi Women: Perceptions of Journalistic Practices in the Reporting on Isis Sexual Violence,' *Women's Studies International Forum* 67 (2018): 53–64.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Вопросы, которые стоит себе задать:

- Изучили ли вы местную расстановку политических сил и условия безопасности в достаточной степени, чтобы принять правильные решения в отношении не только своей собственной безопасности, но и безопасности тех, у кого планируете брать интервью? [Смотрите [#2](#)]
- Кто будет помогать вам организовывать интервью с пострадавшими? Местный помощник, представитель неправительственной организации (НПО) или местные представители власти? Существует ли опасность того, что согласие пострадавших может быть не совсем добровольным? [Смотрите [#2](#) и [#3](#)]
- Понимаете ли вы культурный и религиозный контекст, включая отношение людей к CRSV, дискриминацию по признаку пола и дисбаланс власти в семьях? Осознаете ли вы риски, которым могут подвергнуться ваши собеседники? [Смотрите [#2](#).]
- Знаете ли вы местные законы, известно ли вам, какие последствия может иметь раскрытие информации для безопасности источников? Как это может повлиять на возможность пострадавших добиваться компенсации в судебном порядке, если они этого захотят? (В некоторых юрисдикциях жертвы изнасилования могут столкнуться с судебным преследованием за супружескую измену).
- А как насчет вашей собственной психологической готовности к освещению этой темы? Находитесь ли вы лично в достаточно хорошей психологической форме, чтобы взяться за эту работу прямо сейчас? [Смотрите [#6](#).]

Заблаговременная подготовка

Некоторые другие виды подготовки требуют более длительного срока, и их лучше всего проводить задолго до выполнения конкретного задания. В идеале стоит принять участие в соответствующем тренинге, но если такой возможности нет, то реально могут помочь и другие способы подготовки, такие как самообразование или эффективное наставничество компетентных коллег.

Задайте себе вопросы:

- Есть ли у вас эффективный план компьютерной безопасности для защиты анонимности источников и обеспечения сохранности своих исходных материалов? [Смотрите информационный блок ресурса [#2](#).]
- Изучали ли вы стратегии проведения интервью с людьми, которые пережили травму, став жертвами сексуального насилия? Есть некоторые особенности, о которых вам следует знать [Смотрите [#4](#) и [#5](#).]
- Понимаете ли вы, что означает «информированное согласие», и думали ли вы о том, как его получить? [Смотрите [#3](#).]
- Если вы снимаете видео или фотографируете, подумали ли вы о том, как решить вопрос анонимности, как сделать так, чтобы пострадавшие чувствовали себя безопасно? [Смотрите [#8](#).]

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РЕДАКТОРОВ

В процессе консультаций по подготовке данного руководства все, с кем мы говорили — и редакторы, и репортеры, как в странах, затронутых CRSV, так и за их пределами, — подчеркивали роль редакторов и заказчиков материалов в защите источников. Журналисты на местах не работают в вакууме: они подотчетны изданиям или телекомпаниям.

Плохая коммуникация между редакцией и репортером, работающим на месте, может стать серьезной проблемой. При хорошем раскладе удаленность редакции от событий может дать более беспристрастный взгляд на историю. Но это также может означать меньшее понимание редакцией контекста и источников опасности для пострадавших. Иногда на журналистов в полевых условиях оказывается давление с целью получения информации любой ценой.

Редакторы также не видят всей картины происходящего на местах. Журналисты и документалисты обычно работают в крайне напряженных условиях, преодолевая порой значительные расстояния с большим риском для жизни; внештатный сотрудник может даже потратить собственные деньги, чтобы попасть в зону конфликта. В таких условиях журналисты могут начать «срезать углы»; в результате интервью могут быть чрезмерно фрагментарными, информированное согласие может быть не получено должным образом, не предприняты достаточные шаги для защиты анонимности пострадавших.

Улучшение коммуникации может помочь избежать многих из этих рисков. Репортеры должны чувствовать, что они могут поделиться этическими сомнениями со своими редакторами, а также понимать, что они не будут наказаны за то, что ставят физическую и эмоциональную безопасность уязвимых пострадавших от насилия выше цели издания — получить материал.

Мы будем более подробно рассматривать эти вопросы дальше. А сейчас приведем краткий чек-лист для редакторов, которые дают журналистам задания работать над материалами, связанным с CRSV:

- Обсудили ли вы основные правила, которым должны следовать репортеры при работе с уязвимыми пострадавшими?
- Есть ли у вас план того, какие визуальные решения могут быть необходимы для защиты личности и достоинства источников? Такое решение бывает сложно принять непосредственно во время работы над историей.
- Подходит ли это задание для конкретного журналиста в данный момент? Существует ли риск перегрузки человека из-за слишком большого количества травмирующих заданий подряд?
- Понимает ли журналист, что он может обсудить с вами любые этические вопросы?
- Знаком ли репортер с пособиями, похожими по содержанию на данное руководство?
- И, наконец, рассматривали ли вы возможность провести для журналистов в редакции тренинг по проведению интервью с людьми, пережившими травму? К сожалению, это не то, что обычно включается в курс тренинга по работе во враждебной среде. Вы можете узнать больше о том, что ваша организация может сделать для поддержки и защиты журналистов, работающих по тематике, связанной с травмой, из **руководства Азиатско-тихоокеанского отделения Dart Centre (Dart Centre Asia Pacific)**.

В разделах **#7** и **#8** более подробно рассматриваются вопросы, связанные с публикацией материалов и их выпуском в эфир.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Дополнительные ресурсы: обзор

Во-первых, мы призываем всех ознакомиться с проектом **Murad Code**. Это инициатива, в рамках которой собраны лучшие примеры из практики для любого, кто имеет непосредственный контакт с пострадавшими от CRSV, будь то журналист, юрист, криминалист, политик или сотрудник НПО. Этот проект – итог углубленных консультаций с группами пострадавших и профессиональными организациями.

На сайте Dart Centre есть **раздел по освещению сексуального насилия**. Там же вы можете найти памятку **Европейского отделения Dart Centre (Dart Centre Europe)**, предлагающую сжатый обзор материалов по теме.

Ресурсы для оценки рисков и планирования включены в раздел **#2**.

ПОДЕЛИТЕСЬ
ЭТОЙ СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

#2.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

НЕОБХОДИМО
ЛИ БРАТЬ
ИНТЕРВЬЮ
ЗДЕСЬ И
СЕЙЧАС?

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#2.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

НЕОБХОДИМО ЛИ БРАТЬ ИНТЕРВЬЮ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС?

Оценка безопасности источника является обязанностью журналистов на всех уровнях — репортера на месте, редактора в редакции и коллег, также работающих над этой историей.

При освещении CRSV журналистам необходимо провести оценку рисков безопасности своих источников ровно в той же степени, что и оценку рисков для себя лично. Ключевые вопросы, касающиеся безопасности:

- Достаточно ли у меня времени, чтобы провести это интервью должным образом? Подобные разговоры не терпят спешки. Если необходимого времени нет, как я могу поступить иначе, чтобы не причинить вред?
- Насколько безопасны обстановка и место интервью? Кто находится со мной в помещении и кого там быть не должно? Насколько хорошо я понимаю общую расстановку сил на месте, чтобы оценить возможные последствия для моего источника? Есть ли чувство, что на источник оказывается давление?
- Является ли собеседник именно тем человеком, с которым мне надо поговорить? Достаточно ли она, он или они эмоционально стабильны в данный момент времени для этого разговора? А если нет, с кем еще я могу поговорить?

Возможно, вы проделали долгий путь и лично серьезно рисковали, но из соображений этики ситуация может потребовать нового плана действий. Это решение – как за редактором, так и за журналистом на месте. Его полезно обсудить совместно.

Достаточно ли у меня времени?

Журналисты работают в условиях серьезного дефицита времени. Но на интервью с эмоционально травмированными людьми, пережившими CRSV, потребуется выделить адекватное количество времени.

- Выделить достаточно времени для обстоятельного разговора с пострадавшими – ваша обязанность.
- Если времени недостаточно, можете ли вы пересмотреть планы на этот день?
- Можете ли вы выстроить интервью иначе – например, задавать вопросы о фактах и не торопиться с пересказом деталей травмирующего события?
- Не стоит ли поговорить с надежным источником, который при этом сам не подвергался прямому нападению?

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

В планировании интервью могут участвовать не только вы и пострадавший. Если интервью организуется с помощью посредников, например, НПО или группы местных старейшин, для разработки своего плана действий поговорите с организаторами, уточните, сколько у вас будет времени.

Обязательно делитесь своими планами с пострадавшими. Если у вас достаточно времени, предложите им заранее выбрать удобное время, когда они, по их мнению, будут эмоционально готовы поговорить на эту тяжелую для них тему. Предложение самим назначить время интервью поможет вашим источникам почувствовать, что они в определенной степени сами контролируют ситуацию, решив рассказать вам свои истории.

Безопасное ли место выбрано для интервью?

Вы, вероятно, нередко задумываетесь, насколько физически безопасны места, в которых приходится работать. Но, когда речь идет об интервью с пострадавшими, следует подумать и о других аспектах безопасности. Для начала задайте себе несколько простых вопросов – например, кто находится с вами в помещении и почему:

- Находятся ли там старейшины общины, авторитетные лица или люди с оружием?
- Находятся ли там представители группировок, связанных с преступниками?
- Присутствуют ли там лица, у которых нет никакой необходимости там быть?

Даже если там нет лиц, совершивших насилие, проживают ли они по-прежнему в местной общине и могут ли узнать об интервью?

Насколько тихим и неприметным является место проведения интервью? Что вы можете сделать, чтобы избежать дальнейшей стигматизации пострадавших со стороны их общины, членов семьи и так далее?

Если у вас нет на то веских причин, не просите пострадавших возвратиться на место происшествия. Пространственные и визуальные напоминания могут вызвать сильную травматическую реакцию.

Хотя в такой ситуации может быть трудно продумать все нюансы, помните: именно вы контролируете ход интервью, и, если вам покажется, что на пострадавших оказывается давление или что вы рискуете подвергнуть пострадавших опасности, вам следует остановить интервью. Груз ответственности здесь лежит и на редакторах, поскольку давление со стороны редакции может повлиять на этически правильный выбор журналиста в сложившейся ситуации.

На интервью вы иногда приходите с членами своей команды:

- Если вы тележурналист, можете ли вы максимально сократить свою съемочную группу?
- Если вы работаете с фотографом, может ли он сделать фото в другое время, самостоятельно или после интервью, и не делать снимки пострадавших, когда они рассказывают о травмирующих событиях?
- Если вы работаете с переводчиком, подходит ли он для этой работы? Понимает ли он суть проблемы и прошел ли инструктаж по проведению интервью с людьми, которые пережили травму?
- Насколько готовы пострадавшие говорить в присутствии людей противоположного пола? Нет такого правила, чтобы только женщины брали интервью у женщин, а мужчины — у мужчин, но этот фактор стоит принимать во внимание.
- Если возможно, спросите пострадавших, как им будет удобнее. Есть ли кто-то, кого они хотели бы видеть рядом во время интервью, например, родственник или надежный друг? Если вы делаете интервью с несовершеннолетними, опекуны должны присутствовать **всегда**. (Интервью с детьми и подростками на тему сексуального насилия требуют особых навыков и дополнительной подготовки. Спросите себя: действительно ли подобное интервью необходимо?)

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Тот ли это человек, который вам нужен для интервью?

Задайте себе следующие простые вопросы:

- Нужно ли вам это интервью? Добавляет ли оно что-нибудь к вашей истории, или у вас и так достаточно материала?
- В состоянии ли собеседник понять, что от него хотят?
- Есть ли какие-нибудь скрытые ожидания? Ожидают ли ваши собеседники от взаимодействия с вами нереалистичных результатов?

Часто в конфликтных или постконфликтных ситуациях НПО, работающие на местах, являются первоначальными точками доступа для журналистов, и именно они могут организовать для вас разговор с людьми, пережившими сексуальное насилие. Вы можете оказаться в ситуации, когда НПО организует плотный график интервью с одним и тем же человеком или небольшой группой людей поочередно для всех заинтересованных журналистов. Повторение истории снова и снова за короткий промежуток времени может сильно травмировать людей, переживших насилие. Это также может иметь юридические последствия для пострадавших. Если в интервью разным медиа обнаружатся даже незначительные расхождения, это потенциально может подорвать перспективы получения компенсации через правовые процедуры. [смотрите раздел [#3](#)].

Учитывая нехватку времени у журналистов, легко просто согласиться с тем, что рекомендуют НПО. Однако все-таки стоит поинтересоваться у пострадавших нагрузкой, которую им приходится выдерживать. Иногда просто достаточно спросить, сколько интервью они уже дали. Подойдите к этому вопросу творчески: если с вами в поездке целая группа журналистов, почему не договориться и объединить часть материала, чтобы пострадавшие рассказали свою историю только один раз?

В 2019 году в разговоре с изданием *Columbia Journalism Review*, сотрудница международной правозащитной организации Human Rights Watch Скай Уилер рассказала о неэтичных журналистских методах работы с людьми, пережившими насилие в лагерях беженцев рохинджа в Бангладеш:

“Без сомнения, — сказала она, — мы можем оглянуться назад и сказать, что все прошло не лучшим образом. Одни и те же люди давали интервью слишком много раз”. ^[a]

Ключевым моментом, о котором бывает трудно судить со стороны, является то, чувствует ли человек себя достаточно психологически защищенным, чтобы давать интервью. Если, например, человек переживает особенно сильное горе после травмирующего инцидента, он может не быть готовым к этому. Не забывайте, что CRSV редко происходит вне контекста: испытывавший его человек мог недавно столкнуться и с другими видами насилия, потерять членов семьи или пережить принудительное переселение.

Перспектива постоянно думать об оценке психологической и физической безопасности своих источников, да и себя самих, может показаться пугающей. Решение часто состоит в том, чтобы более полно вовлечь людей в процесс принятия решения о том, каким будет интервью, и предоставить им определенный контроль над тем, как именно оно будет проходить. Многие из этих вопросов пересекаются с вопросом об информированном согласии (подробнее об этом в разделе [#3](#)).

[a] Смотрите: <https://www.cjr.org/analysis/rohingya-interviews.php>

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Стигма и непредвиденные последствия освещения

Спросите себя, не рискует ли встреча с человеком поставить под угрозу его безопасность и личную жизнь. В некоторых обществах одно лишь подозрение в изнасиловании может привести к унижению, оскорблениям и даже к новому насилию.

Вот пример, как все пошло не по плану, потому что журналистам не хватило информации о контексте, в котором они работали.

Johanna Foster и Sherizaan Minwalla провели серию из 26 интервью, чтобы выяснить отношение езидских женщин к тому, как СМИ рассказывали о женщинах и девочках, переживших плен, изнасилование и торговлю людьми со стороны “Исламского государства” (ИГ). В 2018 году они изложили свои выводы в исследовании. Приведем ключевые фрагменты:

«Как и многие женщины по всему миру, езидские женщины сталкиваются с распространенной гендерной дилеммой, когда их просят поставить нужды общины выше собственных».

«В частности, они столкнулись с решением пожертвовать собой, рассказав миру свои истории несмотря на личные физические, репутационные и эмоциональные риски. Действительно, езидские мужчины прямо подталкивали езидских женщин к этому, несмотря на отсутствие каких-либо реальных гарантий, что они не будут подвергнуты стигматизации из-за обещивания, что с ними не будут плохо обращаться или что в будущем их не отвергнут их семья и общины».

Одна из опрошенных езидских женщин сказала:

«В начале, когда я вернулась [из ИГ], пришла комиссия с диктофоном, и ее представители сказали, что запротоколируют мою историю. Я ответила отказом, тогда они пошли к моему шуруну и сказали ему: «Она отказывается с нами разговаривать».

“Дополнительное давление оказывал тот факт, что езидские женщины жили в лагерях, находясь на обеспечении гуманитарных организаций, и чувствовали себя в долгу или обязанными угодить персоналу этих служб и журналистам, которые также подталкивали их поделиться своими историями”. Journalistic coverage of the story increased the likelihood of stigmatisation when stories ran with sensationalist headlines such as, “Yazidi woman held as sex slave for three months by ISIS and gang raped speaks out about hideous suffering”; “ISIS sells sex slave girls for ‘as little as a pack of cigarettes’” and “Yazidi women undergo operations to ‘restore virginity’ after being raped by Daesh”. [b]

Журналистское освещение этой истории увеличивало вероятность стигматизации пострадавших в случаях, когда материалы выходили с “сенсационными” заголовками, к примеру, такими: «Женщина-езидка, которую боевики ИГ удерживали в качестве секс-рабыни в течение трех месяцев и подвергли групповому изнасилованию, рассказывает об ужасных страданиях»; «ИГ продает девочек в сексуальное рабство всего лишь за пачку сигарет» и «Женщинам-езидкам делают операции по «восстановлению девственности» после изнасилования ИГ». [b]

[b] Johanna E. Foster and Sherizaan Minwalla, ‘Voices of Yazidi Women: Perceptions of Journalistic Practices in the Reporting on Isis Sexual Violence,’ *Women’s Studies International Forum* 67 (2018): 53–64.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Дополнительные ресурсы: безопасность

There are various guides on keeping safe on hazardous assignments published by media support and Существуют различные руководства по обеспечению безопасности на рискованных заданиях, опубликованные организациями по поддержке и защите СМИ. Мы рекомендуем начать с обзоров, предоставленных **CPJ** (The Committee to Protect Journalists), ACOS Alliance (A Culture of Safety), и **Rory Peck Trust** (ориентирован на журналистов-фрилансеров), но существует и множество других ресурсов по этой теме. (Эти же организации могут дать рекомендации по доступу к обучению и другим видам поддержки.)

Книга **Safe and Secure** от организации Doc Society предназначена для документалистов. В дополнение к советам по физической безопасности она предлагает бесценные рекомендации, которые будут полезны любому журналисту. Они касаются защиты членов команды и авторов от юридических и цифровых угроз безопасности – двух важнейших аспектов, которые часто упускаются из виду. Global Investigative Journalism network также предлагает [подробную информацию на эту тему](#).

А если вы редактор или менеджер, обязательно ознакомьтесь с [руководством по оценке безопасности ACOS для новостных организаций](#) и руководством Dart Centre [по сотрудничеству с журналистами-фрилансерами, работающими в травмирующих условиях](#). Frank Smyth из CPJ написал [обзор, в котором рассмотрены риски для журналистов при освещении CRSV](#).

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

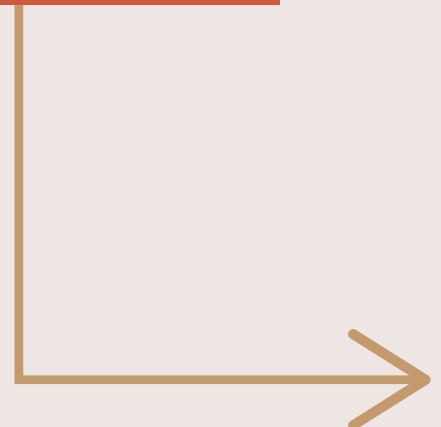
#8

#3.

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

**ПОНИМАЕТ ЛИ
МОЙ ИСТОЧНИК
НА ЧТО
СОГЛАШАЕТСЯ?**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#3.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

ПОНИМАЕТ ЛИ МОЙ ИСТОЧНИК НА ЧТО СОГЛАШАЕТСЯ?

Одного “да” недостаточно, чтобы использовать чьи-либо слова или фото в своих материалах. Согласие нельзя считать информированным до тех пор, пока человек не получил весь объем информации.

Сам факт того, что люди соглашаются рассказать свои истории публично или быть запечатленными на фото или видео, не означает, что они действительно понимают, что это за собой влечет. Недостаточно просто сказать человеку, что вы хотите сделать. Не пожалейте времени и убедитесь, что ваши источники понимают риски и имеют реальную возможность сделать выбор. В частности, они должны знать:

- как будет проходить процесс интервью или съемок;
- какие события и детали прошедшего вы планируете обсудить;
- кто сможет увидеть материал и в течение какого времени он будет доступен.

Получение согласия — это возможность, а не препятствие, которое нужно преодолеть. Если ваш источник знает о рисках и полностью согласен, вы получите более сильное интервью.

Стандартный журналистский шаблон получения согласия интервьюируемого исходит из ситуаций, когда репортеры берут интервью у публичных лиц. Часто это влиятельные люди, которые понимают установленные правила игры, привыкли к ним. Основное внимание в этом случае уделяется получению доступа и тому, чтобы политик или бизнесмен сказал как можно больше, желательно «под протокол», с четко указанным именем.

Эта модель не подходит для работы с уязвимыми респондентами, поскольку баланс сил между источником и журналистом меняется на противоположный. Более того, первым приоритетом в ситуациях CRSV должна быть защита анонимности источника. Это означает отказ от ожидания, что пострадавший обязан говорить публично.

С одной стороны, это очевидно. Каждый журналист знает (или должен знать) об этом. С другой стороны, журналист может оказаться в ловушке глубоко укоренившегося в сознании привычного подхода к политическому интервью. Если вы освещаете тему CRSV, возьмите паузу и убедитесь, что идете по другому пути — тому, который можно определить как получение **информированного согласия**:

1. Во-первых, отбросьте идею о том, что информированное согласие — это прежде всего обеспечение доступа и получение согласия на интервью. Это не так. Речь идет о поиске наиболее безопасного решения для взаимодействия, сопряженного с большими рисками. Если ваш источник передумал и стало ясно, что он не хочет говорить, отнеситесь к этому позитивно. Как и на театральном прослушивании, это лишь означает, что человек не подходит на эту роль.
2. Во-вторых, получение согласия не является однократным действием, квазюридической формальностью, которая происходит только в начале разговора. Это непрерывный процесс,

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

переговоры, в ходе которых право сообщать о конкретных деталях разговора или даже о его факте может неоднократно пересматриваться.

Никогда не давите на человека и не манипулируйте им, чтобы заставить говорить о такой интимной теме, как сексуальное насилие. Это должен быть свободный и действительно информированный выбор.

Кто может дать согласие?

Единственный человек, который может дать согласие, – это ваш источник. Если человек является несовершеннолетним или кем-то, кто в силу различных обстоятельств не в состоянии принять полностью информированное решение, вам может понадобиться дополнительное согласие от кого-то из родителей или опекунов.

Но в любой ситуации, если у вас нет информированного согласия от источника, – у вас просто нет согласия. Слова родственника, чье-то адвоката, фиксера или посредника из НПО о том, что интервью можно взять, не являются согласием. Переговоры должны вестись непосредственно с источником.

Если вы работаете с переводчиком, вам необходимо убедиться, что разговор, который он ведет с источником, соответствует тому, о чем вы говорите. Это, как описывает журналистка Jina Moore, может быть непросто и потребовать дополнительных шагов. Возможно, вам придется сказать своему переводчику:

“Простите, что повторяюсь, но я хочу убедиться, что моя цель ясна: «Вот кто я. Вот что я делаю...». И, когда переводчик говорит: «Я уже спросил ее об этом», вы отвечаете: «Я понимаю, но правила моей работы требуют, чтобы я сама спросила ее напрямую. Поэтому, если вы не против, переведите то, что я говорю, чтобы мы могли подтвердить это еще раз...^[a]”.

Порой не совсем ясно, какие силы определяют правила игры в ситуации, и на пострадавших могут оказывать давление, убеждая согласиться на разговор, когда это явно не в их интересах.

Как журналист, вы обязаны изучить все потенциальные источники уязвимости собеседника, прежде чем решить, что у человека действительно есть выбор – дать согласие или нет.

Потенциальный респондент сразу после нападения (в течение нескольких минут, часов, а может быть, и дней), скорее всего, не сможет дать информированное согласие. Возможно, существует способ осветить случившееся через вспомогательную информацию о ситуации, но вы все равно должны быть уверены, что это не приведет к раскрытию личностей пострадавших. В любом случае следует четко понимать, что человек в такой ситуации не в состоянии принять решение о том, отказываться ему от своего права на анонимность или нет. На такое решение нужно время.

Работа с переводчиками

Если вы отправились в регион, где обычно не базируетесь, ваши отношения с местными журналистами и переводчиками, которые говорят на языке и знают местные особенности, имеют решающее значение. Однако исходите из того, что они могут быть не подготовлены к работе с травмирующей темой.

Вы должны убедиться, что тот, кто переводит, понимает следующее:

- Тема может быть сложной с эмоциональной точки зрения.
- Переводчик не должен оказывать давление на пострадавших или использовать разного

[a] In Moore’s article: [Five ideas on Meaningful Consent in Trauma Journalism](#)

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

рода стимулы, чтобы убедить их рассказать свои истории.

- Переводчик должен следовать принципам информированного согласия и учитывать травмирующий характер темы при проведении интервью (ознакомьте их с ресурсами из данного руководства).
- Переводчик не должен расстраивать или выпытывать излишние подробности.

Вы должны подробно и заблаговременно спланировать, как вы собираетесь проводить интервью, – вплоть до того, чтобы прорепетировать свой сценарий действий. Проведите подробную беседу о рисках и местных культурных нормах. Попросите вашего гида прокомментировать, как вы справились с задачей, и спросите, не трудно ли ему вас переводить. Чем больше доверия в ваших отношениях, тем лучше. Вам также следует поинтересоваться у гида, тяжело ли ему эмоционально справляться с этой работой и не видит ли он потенциальной опасности лично для себя или своей семьи.

Что делает согласие информированным?

Если кто-то соглашается говорить, это еще не значит, что он полностью осознает, какие последствия это влечет.

Источникам может быть непонятен процесс интервью: о чем вы собираетесь спросить, насколько это может быть болезненно, как дальше будет использован их рассказ. Идея заключается в том, чтобы избежать неожиданностей, всего того, что может причинить вред в дальнейшем. Убедитесь, что и вы, и ваш респондент четко понимаете следующее:

- Какова цель разговора?
- Кто в нем будет участвовать?
- Есть ли какие-то «запретные зоны», о которых пострадавшие предпочли бы не говорить?
- Кто увидит материал (и кто может его увидеть в интернете в любой точке мира)?
- Если это фильм, то как долго он будет доступен для просмотра и как будет распространяться?
- Как будет защищена анонимность пострадавших?
- Существует ли вероятность того, что пострадавших опознают, и они будут подвергаться оскорблениям и преследованиям в интернете?

Если вы используете изображения, полезно было бы поделиться своими планами визуализации истории и заранее показать, как мир увидит жизнь респондентов и жизнь их общин. Журналисты, освещавшие изнасилование езидских женщин ИГ, думали, что гарантируют анонимность женщин, фотографируя их с закрытыми лицами. Но сами женщины могли четко опознать друг друга по глазам и характерным платкам. [Смотрите [#8](#).]

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Есть крайне важные детали, которые вам хорошо известны, но их необходимо обязательно как можно понятнее и подробнее разъяснить источникам:

- Будут ли в фильме или итоговом репортаже звучать голоса преступников или групп, которые их поддерживают? Обнаружение этого постфактум может стать ударом для пострадавших. Для них может быть очень трудно понять и принцип «права на ответ», и то, почему кто-то вообще может предложить их мучителям возможность высказаться. Лучше всего объяснить это на раннем этапе.
- Есть ли скрытые ожидания, которых вы не учли? Считает ли ваш респондент, что разговор с вами принесет непосредственную помощь его общине? Или они ожидают от вас постоянной психологической поддержки или дружбы, которые вы не в состоянии предложить? [Подробнее об этом – в разделе #6].
- Журналисты редко задумываются о юридических последствиях своих бесед с жертвами CRSV. Если ваш источник намерен добиваться справедливости в суде, то разговоры с журналистами могут отрицательно сказаться на рассмотрении дела. Вы также должны знать, что все ваши записи и исходники могут быть признаны уликами для предъявления следствию.

Судебный процесс и опасность многократной дачи показаний

Юридический процесс, добивающийся справедливости для пострадавших от насилия, иногда может быть скомпрометирован многократными показаниями. Колумбийская журналистка Jineth Bedoya Lima объясняет это следующим образом:

«Это одна из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся в случаях сексуального насилия.»

В Колумбии закон гласит, что жертвы не обязаны давать показания о событиях более одного раза. Однако почти все пострадавшие вынуждены повторно излагать свою версию более четырех раз, что, естественно, приводит к противоречиям в изложении и зачастую отрицательно влияет на ход судебного разбирательства, а интервью СМИ еще больше усугубляют ситуацию.»

К сожалению, журналисты используют неточности в свидетельствах, пытаются воссоздать «реальную картину» произошедшего, но в итоге это приводит к закрытию дел.»

Аналогично, рассказ о преступном акте насилия вне судебного разбирательства дает преступникам информацию для аргументации своей защиты и зачастую строить свои показания на "противоречивых" историях потерпевших в интервью СМИ. Судьи никогда не принимают во внимание обстоятельства, связанные с тем, как, в какое время и в каком месте пострадавшие давали показания перед камерой. И совершенно очевидно, что история, рассказанная в интервью журналисту, будет отличаться от беседы с психологом или медицинским экспертом”.

Jineth Bedoya Lima, которая участвовала в нашем исследовании, дважды оказывалась в заложниках в Колумбии – в мае 2000 года и в августе 2003 года. В 2001 году она была награждена премией за журналистскую храбрость (Courage in Journalism Award), учрежденной **International Women’s Media Foundation**. Она также стала обладательницей **Golden Pen of Freedom award of World Association of Newspapers and News Publishers** в 2020 году.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Дополнительные материалы: информированное согласие

Jina Moore, an American journalist based in East Africa contributed to this consultation. She explores Jina Moore, американская журналистка, работающая в Восточной Африке, внесла свой вклад создание настоящего руководства. Она более подробно рассматривает вопросы получения разрешения от пострадавших в двух полезных статьях: [The Pornography Trap](#) in Columbia Journalism Review; [Five Ideas on Meaningful Consent in Trauma Journalism](#).

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#4.

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

**ДАЙТЕ
ПОСТРАДАВШИМ
ВОЗМОЖНОСТЬ
ГОВОРИТЬ ТАК,
КАК ОНИ ХОТЯТ,
И СКОЛЬКО
ПОТРЕБУЕТСЯ**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#4.

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ**ДАЙТЕ
ПОСТРАДАВШИМ
ВОЗМОЖНОСТЬ
ГОВОРИТЬ ТАК,
КАК ОНИ ХОТЯТ,
И СКОЛЬКО
ПОТРЕБУЕТСЯ**

Совершая сексуальное насилие, преступники обращаются с людьми как с предметами, а не как с личностями, которые никак не могут повлиять на то, что с ними происходит. Можете ли вы изменить такую динамику и дать пострадавшим право решать, как они будут рассказывать свою историю?

Необходимость относиться к уязвимым людям тактично, уважительно и достойно очевидна. Но что это означает на практике?

Как журналист, который берет интервью у пострадавших, вы находитесь в позиции силы, даже если вам так не кажется. Вопросы доверия и эмоциональной защищенности в этой ситуации весьма актуальны. Поэтому важно, чтобы ваше поведение ни в коем случае не напомнило пострадавшим о пережитом насилии: например, не стоит торопить их или оказывать давление, чтобы получить ответ. Это легко упустить из виду, когда у вас дедлайн и ситуация вокруг небезопасна.

Расставьте приоритеты, запланировав достаточно времени для интервью, и убедитесь, что ваш собеседник понимает следующее:

- Нет необходимости отвечать на вопросы, которые кажутся неудобными.
- Можно остановиться в любой момент.
- Вы не будете публиковать никаких сведений, которые вас попросили не публиковать.

Рассматривайте собеседника в первую очередь как личность и только потом – как источник материала для статьи.

Интервью потенциально могут навредить пострадавшим, если они не учитывают их интересы и игнорируют соображения безопасности. В данном разделе рассматриваются приемлемые методы интервью с людьми, пережившими травму; в следующем разделе [#5] будут более подробно рассмотрены конкретные поведенческие реакции пострадавших и проблемы, которые эти реакции могут поставить перед журналистами.

По понятным причинам журналисты часто опасаются, что даже сам факт разговора с людьми об ужасных и болезненных эпизодах может в конечном итоге травмировать потерпевших. Они могут бояться, что вновь поднимут темы, о которых потерпевшие предпочитают забыть, или приравнивать переживания, которые испытывает человек, рассказывая свою историю, к причинению нового вреда.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Большинство экспертов по травме, работающих с пострадавшими от сексуального насилия, не считает, что в самом разговоре кроется серьезная опасность. Это больше связано с тем, насколько безопасно чувствует себя интервьюируемый во время беседы, насколько он может контролировать то, о чем рассказал, и то, в каком окончательном виде его история будет опубликована [см. #7 и #8]. Вред можно причинить, если люди почувствуют, что их осуждают, не слушают, или используют для скрытых целей, например, для того, чтобы только записать короткий комментарий.

В интервью с пережившими травму людьми доверие – вещь хрупкая, и его легко утратить.

Существуют исключения из правила “разговор сам по себе не имеет последствий”. Например, если кто-то пережил в прошлом что-то сильно травмирующее, то, что он пытался полностью вычеркнуть из памяти и до этого не вспоминал (например, сексуальное насилие в детстве), то разговор сам по себе может быть дестабилизирующим и сопряженным с риском. В целом – будьте осторожны и не удивляйте людей неожиданной информацией.

Как построить интервью так, чтобы собеседник чувствовал себя участником, а не просто источником информации?

Люди переживают сексуальную травму как полную потерю контроля: с ними произошло нечто, что они были бессильны предотвратить. Одним из способов помочь собеседнику преодолеть подобные ощущения – передать ему часть того контроля, который вы обычно осуществляете как журналист, и вовлечь его в процесс решения, как будет проходить интервью. Даже наличие незначительного выбора у собеседника может иметь большое значение.

О чем следует напомнить себе до того, как перейти к разговору по существу:

- Разговор, скорее всего, будет трудным.
- Место проведения интервью должно быть полностью согласовано с пострадавшими.
- Спросить у пострадавших, какое время суток им наиболее удобно, когда, по их мнению, у них будет достаточно сил для разговора и сколько у них времени на него.
- Спросить, кого пострадавшие хотели бы видеть рядом с собой в помещении (например, друзей или родственников).
- Спросить, есть ли что-то, о чем они предпочли бы не говорить.
- Уверить их в том, что они не обязаны отвечать на вопросы, которые вызывают дискомфорт.

Хороший прием – перед началом беседы спросить собеседников, как им дать вам понять, что они устали и что необходим перерыв. Люди могут потерять нить повествования из-за обилия информации. Кроме того, большинство из нас испытывают сильное подсознательное желание продолжать рассказ, чтобы угодить тому, кто задает вопросы. Люди могут не очень хорошо уметь сигнализировать, когда устали или когда разговор зашел на территорию, которая кажется некомфортной, и становится слишком напряженным. Если поднять этот вопрос до начала интервью – и, возможно, договориться о конкретном сигнале, – то предложение сделать перерыв или переключиться на более безопасную тему станет более естественным и менее резким.

Согласование лексики

Вопрос о выборе подходящей лексики для публикации подробнее рассматривается в разделе #7. Во время интервью убедитесь, что вы пользуетесь лексикой, с которой собеседник согласен. Употребление характерной местной фразеологии может оказаться полезным – или, наоборот, нет. Существуют, однако, некоторые четкие правила. Например, никогда не следует называть преступника чьим-то любовником.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Большинство людей, переживших сексуальное насилие, называют себя пострадавшими; некоторые могут считать, что «жертва» – более точное слово, а кто-то, возможно, захочет избежать обоих вариантов. Если у вас есть сомнения в том, какие слова использовать, посоветуйтесь с собеседниками и спросите, что они предпочитают. В целом – всегда важно уважать выбор людей, то, как они сами себя идентифицируют.

Сила умения слушать

Когда люди понимают, что их слушают, они чувствуют себя более уверенно, и им проще собраться с мыслями. Умение слушать – это, пожалуй, самый важный навык, который журналист должен привнести в разговор с человеком, пережившим травму. Здесь важно не торопиться с переходом к другой теме, задавать простые, относительно открытые вопросы, которые дают людям возможность выбрать, как они хотят ответить, – но не настолько, чтобы выбор стал непосильным.

Помните, что, как говорилось в разделе #2, проверка согласия – это постоянный процесс, а не однократное решение. Возможно, вы захотите предварить вопрос быстрой фразой: «Можно ли спросить о ... (конкретной теме или событии)?». Затем дайте людям возможность свободно ответить.

Katy Robjant, которая работает с пострадавшими от CRSV в Демократической Республике Конго и других местах, дает конкретный совет журналистам:

«Вместо того чтобы задавать общие вопросы, скажите собеседнику, о чем конкретно вы хотели бы поговорить. Затем попросите рассказать как можно больше об этом событии или этой теме. После того, как они расскажут все, чем хотели поделиться, ваша задача – вычленив наиболее важные детали. Это один из способов не вынуждать ваших собеседников говорить о деталях, которыми они не хотят делиться или вспоминать о них.»^[a]

В рекомендации по эффективному слушанию входит:

- С пониманием относиться к паузам как к возможности для собеседника собраться с мыслями;
- Подбадривать словами, а если записываете – жестами, чтобы показать, что вы действительно слушаете;
- Переспросить, если необходимо, чтобы убедиться, что вы поняли ключевые моменты;
- Научиться справляться с собственным дискомфортом, и не отвлекаться от собеседника.

Постарайтесь не...

- Договаривать за людей их фразы или резко обрывать цепочку их мыслей (если только они не потерялись в воспоминаниях – смотрите раздел #5);
- Давать мимическую оценку сказанному: например, обойдитесь без трагической мимики даже, когда собеседник рассказывает действительно ужасающую историю (словесное выражение беспокойства или сочувствия в таком случае вполне нормально);
- Наводить разговор на откровенно шокирующие и физические детали события;
- Говорить людям, что вы знаете, что они чувствуют (люди вряд ли поверят, что это так).

Также стоит быть осторожным, рассказывая людям о том, что у вас был похожий опыт, или вдаваясь в автобиографические подробности. В одних ситуациях это может укрепить доверие и развить беседу, в других – отвлечь внимание от собеседника и вызвать у него ощущение, что вы преуменьшаете или отодвигаете на второй план его случай и переживания. (Пути поддержания здорового психологического баланса обсуждаются в разделе #6.)

[a] Посмотрите: <https://dartcenter.org/resources/reporting-refugees-tips-covering-crisis>

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Как распределить время и завершить разговор на хорошей ноте

Подзаголовок этого раздела – “Предоставьте пострадавшим возможность говорить так, как они хотят, и сколько потребуется”. Однако это не означает, что вы должны быть полностью пассивны в выборе длительности встречи. При разговоре с людьми, пережившими травму, полезно задавать некоторые направляющие. И, как уже говорилось выше, вы должны следить, насколько они устали. (Если вы планируете пробыть на месте события еще некоторое время, предложите прервать интервью и продолжить разговор позже.)

Некоторые специалисты приводят так называемое “правило трех третей”. В идеале первая треть беседы должна быть посвящена периоду жизни и событиям, когда пострадавший чувствовал себя в относительной безопасности; средняя – самому сложному материалу, например, самим травматическим событиям, и последняя – настоящему и будущему, всему тому, что помогает пострадавшему вернуться в «здесь и сейчас». Нельзя оставлять человека после интервью с тяжелыми воспоминаниями о том, что с ним произошло.

Постарайтесь закончить на позитивной ноте, но не форсируйте события и не делайте вид, что все гораздо лучше, чем на самом деле. Вы можете спросить людей, что помогло им справиться с проблемой и что бы они посоветовали другим. Не всегда легко найти удачную точку для завершения разговора. В крайнем случае вы всегда можете спросить пострадавших о планах на остаток дня. Не забудьте, конечно, поблагодарить людей – и помните о своих обещаниях: поддерживать контакт в будущем, сообщить о выходе материала и так далее.

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

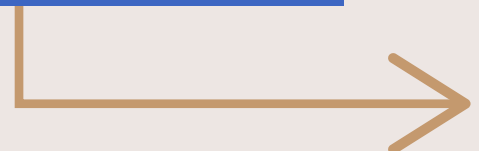
#8

#5.

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

ПОНИМАНИЕ
ДОЛГОСРОЧНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ
ТРАВМЫ НА
ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕКА
И ВОСПРИЯТИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#5.

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

ПОНИМАНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТРАВМЫ НА ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕКА И ВОСПРИЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Некоторые базовые знания о реакции на травму могут помочь вам ориентироваться в сложных ситуациях во время интервью и избежать ошибок при создании репортажа.

Воспоминания о тяжелых событиях, как правило, расстраивают людей. Сами по себе эти переживания не означают, что люди не в состоянии говорить о них. Но определенные реакции могут указывать на то, что люди больше не чувствуют себя в безопасности во время разговора. Они могут отвлекаться от разговора, искать глазами дверь или испытывать физические реакции, схожие с теми, которые они испытывали во время нападения.

Травма — это сложный биопсихосоциальный опыт; страдание никогда не проявляется только одним способом, это комплекс различных компонентов. Профессиональный журналист не обязан быть экспертом в психологии, но некоторые базовые знания помогут вам лучше понять:

- Как ваш собеседник справляется с интервью и когда ему может понадобиться перерыв в разговоре?
- Как избежать стиля ведения интервью, похожего на допрос следователя, способного вызвать у пострадавших такие тяжелые эмоции, как чувство вины и стыда?
- Насколько обоснованно полагаться на точность воспоминаний человека о травмирующем событии и почему не следует делать акцент на пробелах в его воспоминаниях?

Изнасилование — одно из самых сильных травматических событий, которые может пережить человек. Существует множество причин, по которым пережившие изнасилование люди могут испытывать трудности с тем, чтобы найти слова для своих переживаний. Стыд и страх перед реакцией окружающих могут быть серьезными факторами, которые мешают людям говорить. Разговор о травме может вызвать сильные чувства, которые могут показаться респондентам слишком болезненными и выматывающими, чтобы говорить о них. Иногда молчание — лучший ответ.

Но часто найти слова может быть трудно по другой причине, связанной с тем, как функционирует человеческая память в травмирующих ситуациях.

Во время нападения люди переходят в режим выживания. Воспоминания все еще регистрируются, часто — в ярких деталях, но мозг не обязательно фильтрует и откладывает их в соответствии с теми же

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

принципами упорядочивания, которые он обычно использует (вместо этого он отдает приоритет более фундаментальным системам выживания). Обычно у людей, подвергшихся сексуальному насилию, возникают проблемы с фрагментарной и дезорганизованной памятью. В хронологии могут быть пробелы или несоответствия, которые им трудно осмыслить. Некоторые воспоминания могут быть исключительно сильными, другие могут быть стерты или вообще не отложиться в памяти.^[a]

На практике для вас как для журналиста это означает:

- Вам не стоит ожидать, что пострадавший предоставит вам абсолютно последовательный или логичный рассказ о том, что произошло. Непоследовательность не является доказательством намерения обмануть.
- Было бы неверно ожидать, что ваш источник сможет сам разъяснить любые несоответствия в рассказе, поскольку он может быть просто не в состоянии этого сделать. Если важна точная хронология, ищите другие способы проверки информации.
- Несколько раз задавать простые уточняющие вопросы – вполне нормальная практика в случае, если делать это не слишком настойчиво. Но если вы наткнулись на пробел или камень преткновения в памяти человека, не стоит делать на этом акцент и добиваться ответа. Это может привести к тому, что воспоминания захлестнут человека с новой силой [смотрите раздел ниже].
- Другим людям, с которыми вы работаете, – например, редакторам и фактчекерам, – тоже необходимо знать об этих нюансах.

Как реагировать на переживания

Пережившие горе не всегда проявляют свои чувства так, как мы ожидаем. Вы можете встретить людей, которые могут показаться безэмоциональными и говорят о самых ужасных вещах ровным, спокойным тоном, или людей, которые снимают напряжение смехом там, где такая реакция может показаться странной и неуместной. Все это – естественные, хорошо задокументированные реакции, которые возникают у людей после травмы. Относитесь к каждому человеку, с которым вы встречаетесь, открыто, и будьте осторожны, чтобы не показать, будто существует правильный способ реагирования.

Когда люди рассказывают о прошлом, они могут заново переживать те же эмоции и физические ощущения, которые они испытывали во время (или в случаях) нападения. Это может быть легкой и едва заметной эмоцией – или же настолько сильным чувством, что человек не в состоянии больше терпеть эти переживания.

Если у человека возникла сильная реакция (например, он разволновался или плачет), сделайте паузу, прежде чем что-либо предпринимать. Поспешное выключение камеры или остановка интервью может непреднамеренно пристыдить человека, подразумевая, что он неправ, испытывая такие чувства. Будьте осторожны с прикосновениями: они могут быть восприняты как угроза и способны дестабилизировать человека, особенно если неожиданны. Вместо этого вы можете:

- Своим видом демонстрировать спокойствие;
- Сказать собеседнику о том, как вам жаль, что с ним это произошло;
- Напомнить людям, что они в безопасности здесь, с вами, что ничего подобного случившемуся в данный момент не происходит.
- Спросите, что может помочь собеседникам в данный момент. Хотели бы они сделать перерыв в интервью? Что они обычно делают, когда испытывают подобное чувство?

[a] Смотрите <https://dartcenter.org/resources/reporting-refugees-tips-covering-crisis>.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Когда ваш собеседник теряется в воспоминаниях

Диссоциация — это распространенная реакция выживания, которая включается во время сексуального насилия. В экстремальной и безвыходной ситуации мозг может внезапно автоматически отключиться и перевести сознание в режим отстранения от действительности, как будто нападения на самом деле не происходило.

Пересказ пережитого может вернуть людей к ощущению, что насилие происходит снова. Не всегда легко определить, когда человек чувствует себя небезопасно и находится на грани диссоциации. Но люди могут начать вести себя примерно так:

- отключаться от разговора, выглядеть сонными или переставать отвечать на вопросы;
- жаловаться на жар или внезапно покрываться потом;
- жаловаться на головную или другую физическую боль;
- искать глазами выход из помещения.

Katy Robjant, клинический психолог, работавшая с беженцами и жертвами CRSV в Демократической Республике Конго и других стран, дает журналистам совет, что делать в таких случаях:

«Действуйте предсказуемо... Всегда лучше спросить разрешение или дать человеку понять, что вы собираетесь делать дальше... Лучше всего быстро попытаться переориентировать человека. Продолжайте говорить. Спрашивайте о том, что происходит здесь и сейчас, например: «Можете ли вы сказать мне, где вы находитесь? Можете ли вы описать, как выглядит комната?». Такие вопросы будут более полезны, чем общие вопросы типа «Вы в порядке?»^[b].

Чувство стыда и правдоподобность

Важно понимать, как легко в разговоре о сексуальном насилии может возникнуть сильное чувство стыда и вины. Это может произойти внезапно и показаться несоразмерным тому, что обсуждается в данный момент. Нередко люди винят себя в том, что произошло с ними, хотя в этом не могло быть их вины.

И дело не только в психологии сексуального насилия: пережившим изнасилование часто приходится сталкиваться с тем, что члены семьи и общества не верят им, преуменьшают перенесенное ими насилие или считают их самих отчасти виноватыми.

Поэтому будьте очень осторожны, избегайте использования любых формулировок, которые могут подразумевать, что вы не верите собеседникам или считаете, что они несут какую-либо ответственность за то, что с ними произошло. По этой причине вопросы «почему...» могут быть рискованными. Дознаватели на допросах предпочитают их, потому что на них трудно ответить и они подразумевают наличие вины. Например, если спросить человека: «Почему вы оказались там именно в то время?», — это будет звучать так, как будто его вообще не должно было там быть.

Также лучше избегать вопросов о чувствах — например, «Что вы чувствовали, когда...?», так как они могут заставить вновь пережить и усилить сложные и взрывоопасные эмоции.

И, как уже говорилось ранее, старайтесь не задавать вопросов, которые касаются интимных или физических деталей произошедшего.

[b] Смотрите <https://dartcenter.org/resources/reporting-refugees-tips-covering-crisis>.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Если пострадавший убежден в чем-то, что, как вы знаете, не соответствует действительности или с чем вы не согласны, и вам хочется возразить ему, спросите себя, действительно ли вы тот человек, который вправе это сделать, и зачем вам это. Иногда люди придерживаются определенных убеждений для того, чтобы защититься от аспектов пережитого, которые кажутся слишком подавляющими, чтобы их принять.

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

#6.

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

**ПОЗАБОТЬТЕСЬ
О СВОЕМ
ЭМОЦИОНАЛЬНОМ
СОСТОЯНИИ**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОГО
ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

ПОЗАБОТЬТЕСЬ О СВОЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ

#6.

Освещение эпизодов жестокости может пагубно повлиять на эмоциональное состояние журналиста. Позаботиться о себе – ваш долг перед собой и вашими источниками.

Освещение CRSV – это эмоционально истощающая работа, которая сопряжена с личными рисками для работников СМИ, часто и так работающих в опасной и нестабильной обстановке. Вы можете быть склонны не придавать значения собственным переживаниям, потому что их масштаб кажется несущественным по сравнению с тем, что переживают пострадавшие. Тем не менее, имейте в виду, что эти фрагментарные последствия могут со временем накапливаться, перерастая в нечто более серьезное с потенциальными последствиями для того, как вы взаимодействуете с коллегами, а также с пострадавшими.

Невыполнимые обещания эмоциональной или практической поддержки уязвимым источникам в будущем – один из примеров того, что может произойти, когда журналист или документалист оказывается эмоционально перегружен материалом. Обсуждайте эти проблемы с другими людьми, следуйте продуманной стратегии психологического ухода за собой и четко осознавайте, что вы можете и чего не можете сделать в плане помощи другим.

Одре Лурд, активистка движения за гражданские права афроамериканцев, однажды написала:

«Забота о себе – это не потворство собственным желаниям. Это самосохранение...»

Освещая CRSV, вы сталкиваетесь с одним из наиболее пугающих действий людей в отношении себе подобных. Журналисты редко говорят о том, как важно позаботиться о себе и хорошо понимать последствия работы в травмирующих условиях, хотя это одна из ключевых тем для практикующих врачей и других специалистов, работающих с травмой.

Не заблуждайтесь: журналисты и документалисты, решившие освещать такие истории, – как правило, целеустремленные и очень жизнестойкие люди. Но, тем не менее, эта работа связана с повышенным риском синдрома выгорания, депрессии, злоупотребления психоактивными веществами и посттравматического стресса. [a] Даже если последствия не столь серьезны, трудности, с которыми мы сталкиваемся при переосмыслении травмирующего содержания работы, могут оказать влияние на и без того уязвимых пострадавших.

[a] С перечнем исследований можно ознакомиться на сайте: <https://dartcenter.org/content/covering-trauma-impact-on-journalists>.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Сопереживание – это мост с двусторонним движением

Способность сопереживать и оценивать эмоциональное состояние людей – важнейшее качество эффективного интервьюера. Именно через сопереживание мы создаем пространство, в котором люди чувствуют себя понятыми и в достаточной безопасности, чтобы поделиться пережитым. Только сопереживая, мы сможем понять, что важно в той или иной истории, и попробовать взглянуть на вещи с позиции другого человека.

Сопереживание открывает двустороннюю связь между интервьюером и интервьюируемым, создавая мост с движением в обе стороны. Как интервьюер вы можете обнаружить, что иногда принимаете на себя чувства других людей, не осознавая в полной мере происходящего. Сильные эмоции, такие как стыд, беспомощность и страх, могут передаваться другим, причем на уровне, который трудно отследить. Нередко журналисты чувствуют себя подавленными после тяжелого интервью.

Точно так же неоднократное прослушивание и перечитывание свидетельств нападений и пыток, может вызвать навязчивые мысли и образы в голове в самое неожиданное время. Эти проявления обычно краткосрочные и относительно мягкие, и во многом закономерные, но они могут иметь последствия для психического здоровья, когда накапливаются со временем и укореняются. Это явление называется викарной или вторичной травматизацией, и оно стоит в одном ряду с потенциальными последствиями непосредственного переживания или свидетельства насилия.

Быть втянутым в чужую беду

В теории журналисты никогда не должны быть эмоционально вовлечены. Хоть это и интересная идея, на практике все происходит не так. Вполне вероятно, что на каком-то этапе вы испытаете сильную обеспокоенность и желание помочь. Если это произойдет, очень важно, чтобы вы четко осознавали свои границы как журналиста, то, что вы можете и чего не можете сделать в плане оказания поддержки. Границы могут оказаться весьма размытыми и трудноопределимыми:

- Вы можете почувствовать тягу к менее профессиональному, более дружескому формату взаимодействия. Желание помочь понятно, но оно нереалистично, если вы не в состоянии выполнить эту роль. Опасность заключается в том, что вы дадите людям ложную надежду на долгосрочную эмоциональную и материальную поддержку, которую вы не в состоянии оказать. Помните, что надежду легко заронить ненароком: при травме такие сильные чувства, как привязанность и предательство, лежат на поверхности. Вполне возможно поступать этично, не ведя себя при этом как друг.
- Возможно, вы сами когда-то пережили сексуальное насилие. Это может дать вам преимущество – более глубокое понимание ситуации, но ваш личный пережитый опыт также может опосредованно повлиять на восприятие опыта вашего источника, в результате чего вы можете перестать видеть в собеседнике самостоятельную, уникальную личность.
- Вы можете ошибочно полагать, что интервью непременно станет для вашего собеседника терапевтическим, очищающим опытом и вольет в него силы. Действительно, пострадавшие часто находят утешение в разговоре, и он может помочь людям разобраться в запутанных и болезненных переживаниях. Но как журналист вы никак не можете этого гарантировать. Организации, занимающиеся оказанием помощи, называют такое поведение «комплексом спасителя», и проблема может быть крайне серьезной.

Неспособность справиться со своей собственной реакцией может навредить интервью и по-иному. Например, мы можем разочароваться в людях из-за убеждения, что они могли бы делать больше, чтобы помочь себе, или начать ранжировать страдания других людей, считая достойными внимания только самые экстремальные из них.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Что со всем этим делать?

Решение – не в том, чтобы отказаться от сопереживания или осознания важности собственной миссии. Искусственное подавление своих личных чувств не поможет. Кроме того, и то, и другое само по себе является компонентом психологической устойчивости. Вместо этого подумайте о том, что сопереживание – как мышца, которая нуждается в запланированном отдыхе. Время, проведенное вдали от работы, поможет увидеть перспективу, а также даст возможность восстановить силы и отвлечься от тяжелого материала. Вернуться в позитивное русло – жизненно важно. Вот некоторые действия, которые могут помочь в этом:

- **Включите в свой день занятия, которые позволят вам дистанцироваться от работы над тяжелым материалом** (и вообще от всего, что напоминает вам о работе). Увлекательное хобби, чтение книги или что-то, что отвлекает вас от темы, – все это хорошие варианты. Еще один вариант, который помогает многим, – медитация.
- **Планируйте регулярные перерывы и периоды отдыха.** Мы можем гораздо эффективнее переработать тяжелый материал, если не устали.
- **Держите себя в форме.** Физические упражнения, растяжка, дыхательные упражнения, правильный сон и питание – все это эффективные способы освобождения от давящего, нарастающего эффекта накапливающегося стресса.
- **Обсудите проблемные вопросы с коллегами, менторами или друзьями.** Иногда трудно разобраться в ситуации без совета со стороны. Если вы – коллега, к которому кто-то обратился за помощью, будьте хорошим слушателем, и не спешите решать неоднозначную проблему за человека, прежде чем он разберется в ней сам. Также может помочь ведение дневника.
- **Проведите время на природе.** Многие находят это особенно полезным.
- **Относитесь к ошибкам с позитивной точки зрения, извлекая уроки.** Если что-то пошло не так, пообещайте себе учиться на ошибках и плохих решениях, а не повторять их.

Многое из вышесказанного касается формирования защитных привычек, и важности не бросать их при нарастании стресса. Даже если вы находитесь в полевых условиях и работаете во внеурочное время, вы можете внести некоторое разнообразие в свой распорядок дня. Исследования показывают, что социальная поддержка, вероятно, является самым большим фактором, способствующим устойчивости^[a]. Опасайтесь избыточной изоляции и любого вида чрезмерного самолечения – с помощью разного рода веществ или перегрузок на работе. **Баланс – это ключ к успеху.**

Сложности переходного процесса

Будь вы местным журналистом или иностранцем, который прилетел в страну по заданию редакции, вы вполне можете почувствовать, что несоответствие между относительной привилегированностью вашей жизни и ситуацией, в которой живут другие, делает переходный период особенно трудным.

Журналисты, работающие над этой темой, часто испытывают бессилие (из-за невозможности сделать больше, чтобы положить конец страданиям) и вины (из-за того, что у них есть возможность вернуться домой). Простых ответов на эти вопросы не существует, но вы можете извлечь пользу, проработав их. Задайте себе вопрос: «Как мое самокопание из-за неподконтрольной мне ситуации поможет моим источникам и работе в целом?». Трудно быть сострадательным к другим, не будучи сострадательным к самому себе. Чем мрачнее тема, тем важнее сделать шаг назад и попытаться найти пусть незначительные, но позитивные примеры, которые укрепят ваши силы. Опять же, в этом может помочь общение с людьми, которые разбираются в этих вопросах.

[a] С перечнем исследований можно ознакомиться на сайте: <https://dartcenter.org/content/covering-trauma-impact-on-journalists>

[b] См. S. M. Southwick and D. S. Charney, Resilience: The Science of Mastering Life's Greatest Challenges (Cambridge: Cambridge University Press, 2012), особенно главы 4, 6 and 7.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Дополнительные ресурсы: самопомощь

В Dart Centre есть подробное [руководство по работе с визуально-травмирующими изображениями](#). Прочтите также [краткую памятку по работе с травмирующими свидетельствами в ходе журналистского расследования](#), и [материалы дискуссии между журналистами и документалистами](#) по самопомощи при работе над материалами по сексуальному насилию над детьми. Как указано в разделе [#1](#), менеджеры могут обратиться к [этому руководству](#). В [этом разделе сайта](#) более подробно рассматриваются организационные вопросы, включая роль поддержки со стороны коллег.

Let's Talk: Personal Boundaries, Safety and Women in Journalism предлагает рекомендации журналисткам, которые рассказывают о сексуальных домогательствах. [В этой памятке](#), подготовленной Dart Centre для Reporters sans Frontières, содержатся конкретные советы по самопомощи для журналистов, работающих в зонах конфликта. Наконец, поскольку истории о сексуальном насилии часто привлекают внимание троллей и других недоброжелателей в сети, [вот несколько идей](#) по цифровой самообороне.

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#7.

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

**ПОМНИТЕ:
СЕКСУАЛЬНОЕ
НАСИЛИЕ
НИКОГДА НЕ
ЯВЛЯЕТСЯ
ЕДИНСТВЕННЫМ
АСПЕКТОМ
ИСТОРИИ**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#7.

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

ПОМНИТЕ: СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НИКОГДА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ АСПЕКТОМ ИСТОРИИ

Слишком прицельное внимание только к эпизодам жестокости может навредить вашим источникам и качеству журналистского материала. Не забывайте о более полном контексте!

Перед лицом таких чудовищных преступлений, как массовые изнасилования во время войны или сексуальная эксплуатация, может показаться естественным сфокусироваться на сексуальном насилии и причиненном им вреде. Но отсутствие более широкого контекста может обеднить ваш репортаж, оттолкнуть читателей и маргинализировать пострадавших перед аудиторией. Привнести более широкий контекст в репортаж можно следующими способами:

- Дайте развернутый рассказ о жизни пострадавших. Будьте осторожны, не предрекайте катастроф и не сводите свой рассказ о людях к самому ужасному из того, что с ними произошло. Это может осложнить процесс их реабилитации.
- Подумайте о том, что, помимо изнасилования, могли быть и другие преступления. Пострадавшие могли потерять близких, лишиться крова или стать вынужденными переселенцами. Подобные события для людей также значимы.
- Избегайте чрезмерного внимания к деталям, которые могут сексуализировать историю, придать ей сенсационный характер и потенциально снизить сочувствие к пострадавшим.
- Помогите своей аудитории увидеть пути потенциальных решений проблемы, учитывая весь политический и социальный контекст.

Мы часто не осознаем, как сильно наша работа может сказаться на жизни пострадавших и даже повлиять на их выздоровление.

CRSV ассоциируется с высоким уровнем психологических и физических травм. Последствия сексуальной травмы обычно приносят с собой сильное чувство разобщенности, когда люди чувствуют себя отделенными от самих себя – тех, которым они были до того, как все это произошло, – и от других. В результате того, что CRSV может привести к разрыву связей с окружающими, пострадавшие могут оказаться в изоляции и лишиться возможности получить поддержку.

С другой стороны, выздоровление в значительной степени похоже на обратную ситуацию. Оно происходит через восстановление связей, когда люди верят, что другие снова могут заботиться о них и уважать их, как и раньше.

В наши обязанности как работников СМИ не входит исцеление людей, и было бы неразумно и самонадеянно предполагать, что наша работа напрямую поддержит пострадавших; но мы должны

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

заботиться о том, чтобы не усугублять это чувство разъединения. Jina Moore, американская журналистка, работающая в Восточной Африке, говорит об этом так:

«Мы должны убедиться, что в истории, которую мы опубликуем – через несколько дней, через несколько месяцев, через год после произошедшего – нет ничего, что могло бы удивить, смутить, пристыдить или подвергнуть опасности... Мы выверяем детали травмирующей истории вместе с пострадавшими, чтобы убедиться, что они понимают: о них вскоре узнает весь мир»^[a].

Ключевую роль здесь играют и те послы, которые мы передаем аудитории. Повсеместно обсуждение сексуальной травмы сопровождается мифами, стигмой и вредными стереотипами. Мы можем либо укрепить, либо развенчать их: журналисты и документалисты не являются здесь нейтральными сторонними наблюдателями.

Вот почему крайне важно иметь более полное представление о политическом, экономическом и культурном контексте конфликта.

Опасность заблудиться в поворотах истории

CRSV проявляется в различных формах, но больше всего поражает в этом преступлении его абсолютная жестокость. Как документалист или журналист, работающий над этой темой, вы вполне можете испытывать сильное и вполне понятное желание шокировать аудиторию худшим из того, что узнали, – в надежде, что это их разбудит.

Но опасность заключается в том, что это может привести к обратному результату. Слишком большое внимание к ужасам и деталям сексуального насилия может заставить аудиторию отключиться, что может уменьшить сочувствие к людям, пострадавшим от CRSV. Если вы не предоставите достаточно содержательной информации, аудитория не поймет природы этих преступлений и того, что за ними стоит.

От Stephanie Kariuki, работающей над подкастом для Vice, где обсуждалось сексуальное насилие в Египте и неоднозначная роль правительства в его сохранении, подобные решения требовали повышенной взвешенности:

«Было много дискуссий о том, насколько детально надо освещать эту историю. Зачем мы приводим подробности, действительно ли они необходимы? В случае с одной женщиной судмедэксперты заставили ее в обнаженном виде принимать различные позы, повторяющие сцену насилия, и неоднократно осматривали ее влагалище. Окончательная аудиозапись, которую мы использовали, была откровенно шокирующей. Но причина, по которой мы вдаемся в такие подробности, заключается в том, что осмотр, через который она прошла, символизирует то, что государство делало с женщинами на протяжении десятилетий»^[b].

Действительно, эффективное освещение травмы требует понимания того, как сбалансировать ряд аспектов, которые противоречат друг другу. Например:

- **Насколько это касается вреда, беспомощности и потери контроля, которые приносит в жизнь людей CRSV? Насколько это о сопротивлении и восстановлении – о том, что потребовалось и продолжает требоваться, чтобы выжить?**

Какой бы мрачной и безрадостной ни казалась ситуация, в жизни пострадавших есть и положительные моменты. Отображение только ужаса и бессилия по отношению к людям не может быть ни точным, ни полезным.

- **Насколько правильно объясняет ситуацию индивидуальный пример конкретного человека и насколько – более широкий политический и социальный контекст?**

Если вы не уделите достаточно внимания более широкому контексту, материал при всей его

[a] Jina Moore: [The Pornography Trap](#).

[b] Для этого Kariuki приняла участие в нашем исследовании.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

непостижимости и тревожности рискует стать просто рассказом о человеке – без реальной цели и информации для аудитории о том, что на самом деле происходит и какие могут быть варианты решений. CRSV не возникает в вакууме: тема «изнасилование на войне» не может быть понятна без объяснения, какие силы движут конфликтом.

Однако и слишком незначительное внимание к отдельным людям и их личным обстоятельствам рискует быть истолковано как неуважение, как будто история человека была включена в публикацию только для иллюстрации конкретных статистических данных.

Как найти золотую середину?

Каждый конкретный случай требует самостоятельного решения в плане сбалансированности подачи материала. Четкое понимание этого часто осложняется тем, что насилие может оказывать завораживающее воздействие и уводить нас туда, где все остальное кажется неважным. Угрожающая, травмирующая информация зачастую способствует упрощенному восприятию неоднозначного события: очень легко застрять на деталях или в ограниченном взгляде на историю.

Вот краткий список вопросов, который следует учитывать при создании текста или аудиовизуального материала:

- Не зашла ли история слишком далеко в описании откровенно шокирующих подробностей физического или интимного характера?
- Есть ли в материале упоминания о теле человека, внешности, одежде и так далее, которые рискуют сексуализировать описание (и даже непреднамеренно оправдать мотивы насилия)?
- Предрекает ли материал будущую гибель человека или группы людей? Как бы мрачно ни выглядела ситуация, неточно и предвзято предполагать, что спасение невозможно. (Если вам трудно увидеть что-то, помимо мрака, постарайтесь разглядеть личности в людях, переживших насилие. Откуда они черпают мужество и поддержку?)
- Возможно, вы слишком отклоняетесь в противоположную сторону и приносите тон ложного оптимизма, искусственно рисуя более радужную картину реально безысходной ситуации? Помимо очевидной проблемы с точностью, журналистика, преувеличивающая возможности, может оттолкнуть тех, кто не узнает свои жизненные обстоятельства в описании.
- Если в материале звучат голоса двух сторон – и насильников, и пострадавших, – есть ли в трактовке произошедшего нечто ставящее во главу угла точку зрения насильников или преувеличивающее их силу? (Соблюсти правильный баланс в одном материале в этом случае может быть сложно. Разделение этих голосов по отдельным репортажам может быть наиболее простым решением);
- Не сосредоточен ли ваш рассказ на изнасиловании в отрыве от других травм, которые люди испытывают во время конфликта? Люди могли видеть, как убивают их родственников, потерять свои дома и средства к существованию. Они могут быть беженцами, которые с трудом пытаются построить новую жизнь. Все эти вещи имеют значение для людей, и пострадавшие могут не понять, почему журналисты уделяют внимание только одному аспекту их трагедии.

Верстка и выпуск материала: заметки для редактора

То, как сверстана история под выпуск, какой выбран заголовок, какие подписи к фотографиям, снимки, используемые для продвижения фильма, резюме, подача в социальных сетях, – все это может оказать огромное влияние на восприятие истории и ее влияние на участников.

Одна из явных опасностей заключается в сексуализации истории, превращении ее в сенсацию, которая искажает реальный контекст. При сексуальном насилии половой акт может иметь место,

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

но эти истории не имеют ничего общего с нормальными половыми отношениями.

Такие термины, как «секс-рабыни», являются эротизированно-вуайеристскими и рискуют превратить описание насилия в развлечение; для таких выражений, как «малолетние невесты», лучше использовать описательные формулировки – например, «похищение несовершеннолетних и сексуальное насилие над ними»; женщина, которую заставили заниматься проституцией, не является «подружкой» преступника.

Ниже Jineth Bedoya, которая много писала о CRSV в Латинской Америке, описывает, как модели сексуального насилия, совершаемые военизированными формированиями, маскируются за неуместными и устаревшими формулировками:

«Мы проводили активную кампанию в СМИ, чтобы перестать говорить о так называемых «преступлениях страсти» (‘crimes of passion’) в случаях, когда журналисты на самом деле имеют в виду изнасилования или убийства женщин.

Общество до сих пор считает, что изнасилование связано с сексуальной провокацией, которую женщина намеренно совершает по отношению к своей «жертве». Отсюда и «страсть».

Но на самом деле провокацией здесь является сама идея, содержащаяся в такого рода журналистских материалах, – что подобные преступления совершаются во имя «любви».

На многих судебных процессах я слышала, как мужчины, совершившие изнасилование, оправдывали себя именно этим аргументом. Они заявляли, что подвергли женщин сексуальному насилию или убили, потому что «любили» их».

Имейте в виду, что представление об изнасиловании как о неизбежном последствии войны – это миф. Помимо того, что изнасилование является наказуемым военным преступлением, исследования показывают, что оно распространено не во всех конфликтах, даже если в них участвуют нерегулярные формирования.^[c]

Подумайте, не нужно ли обновить ваше внутреннее редакционное руководство по используемой терминологии и стилю, чтобы отразить эти вопросы? Для переживших сексуальное насилие людей, которые читают или смотрят ваш материал, указывайте ссылки на полезные ресурсы и информацию об организациях, занимающихся оказанием поддержки.

Дополнительные ресурсы

В статье [The Pornography Trap](#) Jina Moore рассказала о трудностях, связанных с правильным выбором лексики. В [этом материале](#), подготовленном Chicago Taskforce on Violence Against Girls & Young Women, обсуждаются вопросы освещения сексуального насилия в целом, а также есть раздел, посвященный использованию корректного языка. Эта [памятка](#) от National Sexual Violence Resource Center также затрагивает все формы сексуального насилия в США и не посвящена исключительно CRSV. Тем не менее она иллюстрирует преимущества использования статистических данных в связке с контекстом. На сайте Dart Centre [Nina Berman](#) размышляет о важности контекста и о том, как сделать правильный визуальный выбор; все это более подробно рассматривается в следующем разделе.

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

[c] Carlo Koos (2017) Sexual violence in armed conflicts: research progress and remaining gaps, Third World Quarterly (доступно [здесь](#)).

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

#8.

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

ОБРАЗЫ НЕ МЕРКНУТ:
БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ С
ВИЗУАЛЬНЫМ ВЫБОРОМ

#1

#2

#3

#4

#5

#6

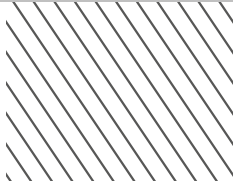
#7

#8

#8.

ВАШЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ

ОБРАЗЫ НЕ МЕРКНУТ: БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ С ВИЗУАЛЬНЫМ ВЫБОРОМ

Если изображения попали в эфир, их невозможно отыграть назад. Глобальный доступ к интернету может создать для людей разного рода опасности.

Когда вы освещаете тему CRSV, ваш выбор визуализации, будь то видео или фото, имеет жизненно важное значение. Особенно сейчас, в цифровую эпоху, когда изображения продолжают жить гораздо дольше, чем сама ваша история. Очень важно, чтобы пострадавшие в полной мере понимали, как они будут представлены визуально и каковы могут быть последствия. Вот что вам следует учитывать:

- Есть ли веские основания для идентификации пострадавших, или безопаснее начать с анонимности?
- Дали ли пострадавшие информированное согласие на то, чтобы их фотографировали или снимали на видео? Понимают ли они степень распространенности социальных сетей, которыми люди могут пользоваться и там, где они живут?
- Может ли использованное изображение непреднамеренно раскрыть их личность?
- Каким образом вы можете вовлечь пострадавших в процесс создания изображений, чтобы они были довольны конечным результатом?
- Элементарная проверка на этику: согласитесь ли вы сами, чтобы вас или члена вашей семьи снимали или фотографировали таким образом?

«Позвольте мне внести ясность: изображения, иллюстрирующие изнасилования в зоне конфликта и переживших изнасилование, разумеется, должны быть запечатлены и доступны широкой аудитории. Просто они должны быть сделаны так, чтобы защитить людей, учитывать контекст, не увековечивать клишированные стереотипы и не представляться медиакомпаниями как некий волшебный эликсир для излечения пострадавших».

Nina Berman ^[a]

Изображения являются важным компонентом репортажей о конфликте, в том числе о CRSV, и могут быть мощным средством коммуникации с аудиторией. Но они также создают целый ряд потенциальных опасностей для пострадавших, гораздо более существенных, чем просто участие в интервью.

Существует целый ряд визуальных клише: показать пострадавших изолированными и ожесточившимися,

[a] Nina Berman – фотограф-документалист, освещавшая конфликты в Боснии и Афганистане. Она участвовала в подготовке исследования для этого проекта, писала об этике фотографии в конфликтах и в мирное время. Является профессором журналистики в Columbia University. Подробнее читайте на сайте: <https://dartcenter.org/resources/visual-choices-covering-sexual-violence-conflict-zones>

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

вырванными из привычной среды, или сосредоточить внимание на их физическом состоянии. В некоторых случаях используются даже изображения из давней истории расизма в период колониализма и рабства. Визуальная грамотность является залогом корректного выбора.

Более того, в цифровую эпоху изображения легко распространяются на различных устройствах и платформах, а это значит, что они могут преследовать пострадавших, даже если они проживают в отдаленных общинах, годами. После войн на Балканах в 1990-х годах были случаи, когда женщины выходили замуж, не сказав мужьям, что были изнасилованы. Мало кто думал тогда, что архивные материалы могут стать доступными в сети и спустя десятилетия.

Цифровая эпоха также порождает все больше историй с приоритетом на изображениях – и может оказывать сильное давление на редакторов и фотографов, побуждая предлагать больше шокирующих и захватывающих образов. Это, в свою очередь, может привести к созданию изображений, фетишизирующих тела пострадавших или раскрывающих их личность без какой-либо необходимости.

Как уже говорилось в разделе #3 об информированном согласии, привлечение интервьюируемых к принятию решений о том, как они будут изображены, является хорошей практикой. Журналисты, освещавшие случаи изнасилования езидских женщин ИГ, думали, что гарантируют анонимность пострадавших, фотографируя их с закрытыми лицами, но на самом деле в их общинах их легко узнавали по глазам и характерным платкам.

Принятие более эффективных и этичных визуальных решений

Фотожурналисты зачастую работают под давлением редакции предоставить сверхвпечатляющий снимок, но даже в условиях дефицита времени вполне возможно снять пострадавших от CRSV, не навредив им и избежав клише. Вот несколько вопросов, которые следует задать себе о снимках, которые вы делаете:

- Можно ли в качестве отправной точки предположить, что все изображения пострадавших будут анонимными и что люди будут идентифицированы только в том случае, если для этого есть веские основания? Подумайте о том, чтобы подробно обсудить этот вопрос с вашим редактором, прежде чем приступать к работе.
- Существует множество креативных решений насчет создания изображений, которые можно использовать, не идентифицируя пострадавших. Лучше всего продумать их заранее. Может быть, стоит создать для себя компьютеризированную подборку многочисленных примеров того, как этого добивались другие?
- Учитывая, что в материале речь идет об изнасиловании, обратите внимание на то, как вы изображаете тело пострадавшей. На какой части тела вы акцентируете внимание – и как избежать восприятия человека как сексуального объекта?
- Старайтесь избегать визуальных клише, которые наводят на мысль, что человек одинок или уничтожен как личность. В некоторых случаях крайняя степень изоляции может быть реальностью, но обычно у людей есть более широкий круг поддержки, и правильнее будет отразить это.

Если вы используете цифровые технологии для маскировки личности, соответствующие пиксели оригинала должны быть удалены с изображения, а не просто размыты, – и, конечно, вы должны убедиться, что в файле нет метаданных, идентифицирующих местоположение. Также важно подумать о том, кто и зачем может находиться рядом во время съемки. Вот некоторые моменты, которые следует учесть:

- Хочет ли субъект съемки, чтобы с ним рядом кто-то был, и находятся ли вблизи наблюдатели, которых там быть не должно? Режиссерам документальных фильмов стоит рассмотреть возможность сократить съемочную группу до минимума.
- Почему бы после съемки не показать кадры пострадавшим и убедиться, что они ими довольны?
- Убедитесь в том, что пострадавшие понимают, что их изображения могут сохраняться очень долго и быть доступными на платформах повсеместно, в том числе в их общине.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Есть ли возможность избежать спешки при выполнении задания? Могли бы вы заранее обсудить, как будет проходить съемка, и объяснить пострадавшим, сколько времени она займет? Помните, что дети не могут давать согласие на раскрытие их личности ни при каких обстоятельствах, даже в случае, если его за них дает взрослый.

Фотожурналистика и редакторы

“Я могу понять, что фотографам может быть сложно держать в голове все эти вещи, но меня просто шокирует, когда их упускают редакторы. По моему мнению, редакторы обязаны обладать большим чувством ответственности и быть визуально грамотными, особенно в том, что касается исторического контекста».

Nina Berman.^[a]

Фотографы взаимодействуют с пострадавшими и выбирают различные визуальные решения. Но именно редакторы в конечном счете отвечают за то, какие изображения заказать и отобрать из множества снимков до того, как их увидит публика. Фото которое подходит для внутренней страницы, где у него есть смысл и контекст, может иметь совершенно иное воздействие на обложке или в посте в Instagram.

Имея опыт и время для стратегического осмысления, вдали от напряженной полевой работы, редакторы должны разобраться в визуальных решениях, которые намеренно или непреднамеренно использовал фотограф. Например, существует долгая традиция визуализации поработанных людей, от которой специалистам, отвечающим за изображения, лучше отказаться, особенно в развивающихся странах.

Фоторедакторы также принимают решения о дальнейшей судьбе изображений – их лицензировании и доступности, а также условиях использования в социальных сетях.

Как редактор вы можете работать с коллегами с многолетним стажем или заказывать работу у фрилансеров, с которыми никогда не встречались. Если вы найдете время для 10-минутного разговора о границах, которые желательно не переходить, о необходимости информированного согласия и соблюдения анонимности, это может иметь огромное значение. Вот некоторые моменты, которые следует учитывать:

- Проводили ли вы обстоятельную беседу с фотографами об информированном согласии? [См. #3]
- Действительно ли необходимо идентифицировать пострадавших? Какое визуальное решение можно использовать без ущерба их анонимности?
- Подписи под снимками – это часть истории, и, как и изображения, они не должны фетишизировать или стигматизировать человека.
- Можете ли вы установить временные рамки для публикации изображений пострадавших от CRSV? Можете ли вы оговорить условия их использования только в одной истории и исключить продажу снимков агентствам?
- Как вы используете изображения в социальных сетях? К примеру, есть ли необходимость показывать лицо или тело пострадавшего человека в Instagram? Есть ли другой способ продвижения истории, который не так травмирует пострадавших?

[a] Nina Berman – фотограф-документалист, освещавшая конфликты в Боснии и Афганистане. Она участвовала в подготовке исследования для этого проекта, писала об этике фотографии в конфликтах и в мирное время. Является профессором журналистики в Columbia University. Подробнее читайте на сайте: <https://dartcenter.org/resources/visual-choices-covering-sexual-violence-conflict-zones>

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

